

Р2

Н30

Николай Васильевич Нарышкин (Махотин)

Бр-034310

СУРСКИЕ

СКАЗКИ

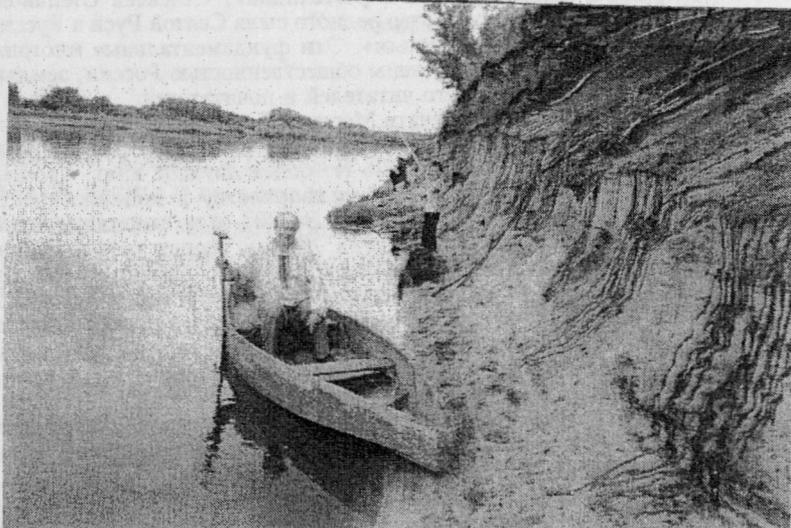

Николай Васильевич Нарышкин (Махотин)

Р2
И 30

СУРСКИЕ СКАЗКИ

Р9

ИИ 165

Казань
2004

Нарышкин (Махотин) Николай Васильевич
Н28 Сказки: 2004 г.

Николай Васильевич Нарышкин (Махотин) — профессор Казанского государственного технического университета (КАИ) им. А. Н. Туполева, член Союза писателей России, академик Российской Академии Гуманитарных Наук, известный Подвижник и общественный деятель, публицист, краевед, заслуженный работник культуры Российской Федерации и Республики Татарстан. Публиковался во многих газетах и журналах. Он автор около 400 работ.

В 1998 г. вышла из печати книга Н. В. Нарышкина (Махотина) «Махотин извоз», в 1999 г. — «Мятущаяся Россия», в 2000 г. — «Священная Сура», в 2002 г. — «Кадышевский эпос», «Разговор Праведника с нечестивцем», в 2004 г. — «Русский Дневник. Том 1», «Сад отца. Этюды крестьянской жизни», «Зов земли предков», «Трудная жизнь Русского Крестьянина», «Алексей Степанович Хомяков», «Паломничество родного сына Святой Руси к Русским святыням и Русским святым». Эти фундаментальные многоплановые книги тепло встречены общественностью России, земляками автора, тысячами его читателей и почитателей.

В периодической печати Москвы, Татарстана, Чувашии, Ульяновской области, Мордовии и других регионов России опубликовано только за 1998—2004 гг. более двухсот книг, брошюр, статей, заметок, посвященных творчеству и подвижничеству Н. В. Нарышкина (Махотина). В 2003 году вышли из печати книга «Паломник Русского духа. Жизнь, творчество, подвижничество Н. В. Нарышкина (Махотина)» и сборники стихов, посвященных Н. В. Нарышкину: Ларисы Тимушевой «Посвящения Паломнику русского духа Николаю Васильевичу Нарышкину (Махотину)» и коллектива авторов «В сиянии Кадышевского Солнышка. Поэтический венок подвижничеству Николая Васильевича Нарышкина».

Николай Васильевич Нарышкин — крупный знаток и исследователь философии, экономики, истории, культуры Русской Цивилизации и жизни Русского Крестьянина.

Николай Васильевич Нарышкин родился 12 июня 1938 г. на берегу Священной реки Суры, в старинном русском селении Кадышево-Покровском (коему 400 лет) Карсунского района Ульяновской области в трудовой крестьянской семье Василия Ивановича (1904—1985) и Анны Михайловны (1903—1990) Нарышкиных.

© Н.В.Нарышкин (Махотин), 2004

БР-037310

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЧУВАШСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ЗАМАНИХА, или Возвращение к родникам кадышевского Посурья

Какую ж сказку? Выберу смиренно
Не из таких, где грозная вражда
Царей и царств, и гром, и крик военный,
И рушатся престолы, города.
Возьму попроще, где б я беззаботно
Предаться мог фантазии моей
И было б нам спокойно и вольготно,
Как соловью в тени густых ветвей...

Н. М. Языков

Однажды, когда обвораживающе-дразняще светило апрельское солнце, а по земле стелились густые призывные запахи весны и во всем живом мире начиналась несусветная канитель, мой четырехлетний внук Андрюша на серой неумытой морщине еще не согретого асфальта вдруг заметил... двух каких-то на вид никудышненьких, вконец изморенных и измотанных долгой голодной зимой малюсеньких живых существ, торопливо спешивших куда-то. Это были муравьи.

По-особому степенно и осторожно, почти не дыша, Андрюша разглядывал до сих пор для него не знакомое это творение живой природы. Опомнившись от нечаянно нахлынувших на него чувств, внук тихо спросил меня: «Дедуля, кто это, откуда и зачем они?» Его вопрос тут же перенес меня в мое детство, а оттуда — в волшебное царство Заманихи, которым, потаясь, я грежу до сих пор, запахи необыкновенного мира которого слышу, чуть прикрыв глаза, царство, которое постоянно включает мою душу и будоражит мое воображение, вплоть до появления передо мною зовущих обратно в детство миражей.

Заманиха... Для меня, полностью слившегося с присурско-кадышевской русской природой и являющегося целиком ее порождением, Заманиха была куда более таинственной и манящей, чем легендарные воспетые Ф. Купером и М. Ридом переполненные индейскими племенами и невиданными божественными животными и птицами щедрые, первозданные прерии Америки и саванны Африки и дикий дикобраз, с папуасами, леса плывущей в океанах Австралии!

Заманиха моего детства окутана нежностью Суры, о которой в 1840 году в далекой французской Ницце восторженно рассказывал старому Рейну наш гениальный земляк Николай Михайлович Языков:

Тебе привет...
Суры, красавицы задумчиво бродящей,
То в густоту своих лесов
Скрывающей себя, то на полях блестящей
Под опахалом парусов...

Моя Заманиха озарила светом все мое детство. Она для меня всего роднее, теплее, уютнее. Заманиха — всегда во мне и около меня. Заманиха — это утро моего детства. Мой полдень — это тоже Заманиха. Она — мой первый глоток воздуха. То, что я увидел, появившись на белый свет, — это Заманиха. Заманиха первой меня спеленала и первой посвятила в волшебные игры природы. Она первой благословила меня в многотрудный путь по жизни. Первым букварем и первой таблицей умножения была для меня Заманиха.

Растительный, животный и букашковый мир Заманихи был у подножия сплошь покрытой душицей, невысокой, чуть приплюснутой, опрятной своей девственной свежестью красноглиняной с белесым, как парное коровье молоко, горы за плетневой городьбой нашего кормильца — огорода. Гора, прикрывающая своим остовом Заманиху от нехороших северо-восточных ветров, тогда, в детстве, казалась гораздо выше даже легендарной Арарат-горы, о которой мне полно всего рассказывала мудрейшая бабушка Анисья Архиповна.

В центре заманихинского волшебного царства стояли, взметнув богатырскую, чудотворную силищу свою из глу-

бин былинной русской земли к голубым небесам, выше даже Долгой горы, старые-престарые, неохватные, всегда между собой и с окружающим их миром о чем-то перешептывавшиеся тополя. От тополей на все живое растеклись тополиные запахи. Запахи эти весело кружили голову не только мне. Растворяясь в луго-боровом, настоящем на целебных травах, цветах, на хвое, мяте и душице, на пчелином меде воздухе, тополиные запахи пропитывали силой, удалю, доброй и первозданной простотой весь кадышевский народ.

Души всех кадышан сотворялись из воздуха Заманихи, пропитанного загадочным духом тополей, ветел, сосен, талов, лип и луговых трав.

Не может быть чистой душа человека и без родников, которые народ так мудро назвал — Ключи! Совсем недавно мы с восьмидесятисемилетней мамой долгими вечерами вспоминали наши сельские родники. Сколько их было, родников этих!.. Жители любого села в былые времена старательно оберегали родники-ключи, постоянно поддерживали их жизнь. У крестьянина к роднику было такое же почтение, как и к кормилице земле. Наступило новое время, и родникам, как и всей природе, досталось: их мяли, топтали, заваливали, замусоривали. На месте многих некогда знаменитых ключей льются лишь горькие слезы земли. Грустно и крайне неловко мне оттого, что люди стали забывать свои родники, как, впрочем, и свои традиции, и всю историю своей малой и большой родины, а мы ведь все берем начало из... родников. Но были, были, люди русские, у нас родники!.. Только поэтому так широко и раздольно, так по-родниковски свежо и божественно чисто на присурском приволье веками пела русская душа!..

Сотни парней и девчат собирались теплыми душистыми летними вечерами на Долгой горе, над Заманихой лились окрест под гармошку и балалайку в сопровождении величественного озерно-лугового лягушачьего оркестра цветистые, задушевно-задорные песни. Вот это было чудо!.. До сих пор я продолжаю очаровываться чудным миром песни, которую пели в старое время девки на девичнике (как говорили, бывало, в Кадышеве — на дивишнике):

Сладка яблонька сахаренька,
Отрасли вити до сыраю земли.
Привились кудри ка белому лицу.
Яво личко, точно беленькай снижок,
Яво щочки — как в саду розовый цвяток...

Содержание и мелодии тех крестьянских песен не только неподражаемы, но и неповторимы, а теперь (так уж пошло, и непростительно жестоко мы поступили!) почти и невозполнимы. За последние годы только в моем родном Кадышеве канули в вечность огромные запасы фольклора, уникального народного творчества. Заслушивались мы, когда, укачивая в кроватке своего любимого правнука Андрюшеньку, его прабабушка Анна Михайловна Нарышкина приговаривала:

У Лисаньки было семь дочерей:
Дарья, Марья, Фядосья, Ниносья,
Степанида, Салманида,
Душа Катенька.
Две Акульки во люльке качаются,
Два Стяпана во смятане бултыхаются...

Завораживающе свои песни пели люди! Музыка их песен сливалась с музыкой природы... Попробуйте угодить своим исполнением миллионам музыкантов-лягушек, объединенных природой в своеобразный коллектив, музыкальные традиции которого насчитывают сотни тысяч лет! Как бы вы ни старались, вы никогда и нигде не сыщете столько искусных музыкантов-виртуозов, сколько их когда-то собиралось в том прославленном оркестре на цветуще-благоуханной сцене заливных присурских лугов!.. Разного рода музыкальные произведения в исполнении лягушачьего хора до сих пор продолжают всплескивать мое сознание, рисуя волшебные русские деревенские картинки, которые вы не сыщете на полотнах даже самых известных живописцев.

Все кадышевские песни дышали благотворным и чудотворным воздухом моей Заманихи. Плыла песня с Долгой горы, поднявшись над Сурой, над сурскими пахучими лугами с клубничными полянами, с зарослями ежевичника, шиповника, боярышника, смородины, с плантациями

дикого лука, щавеля, борщевок, дягелей... Плыла песня над синеглазыми кишевшими сомами (некоторые из сомов достигали более десяти пудов и нередко буйством своим наводили ужас на прохожих!), щуками, жерехами, судаками, лещами озерами Промзюком, Глубоким, Притворным, Рассохвицей... Плыла песня, оттолкнувшись от трепетавших в истоме и бившихся в ненасытной жажде жизни юных сердец, куда-то в таинственную зовущую даль... куда-то в сторону древнего соснового бора. Долетевшая до боровой черни песня приводила в умиление даже старого филина, который, не стесняясь своего сверхпочтенного возраста, частенько подпевал своим бархатным басом. Я сам это слышал!.. Приятно было многочисленным обитателям бора слушать вот такую чудесную народную песню, посвященную их житью-бытью:

Как у ключика у холодного
Соловей кукушку уговаривал:
Полетим, кукушка, мы в сырой бор жить,
Выведем, кукушка, два кукаренка,
Тебе — кукаренка, а мне — соловья.
Твой кукаренок будет куковать,
А мой соловьенок будет распевать...

А иногда, всплеснувшись, песня с Долгой горы стремительно неслась в березовую, грибную Чигириху, к ягодным Елховым горам, под Часовенскую гору, где издавна природа размещала свои несметные плодородные нивы, способные, как казалось мне тогда, в счастливом детстве, прокормить не только Кадышево, но и все человечество... Неслась выплеснутая из молодых душ песня и между горами Свальной и Плечистой, где когда-то, как утверждали седовласые старики, пролетал сам Стенька Нечистый...

Частенько поутру мимо Заманихи по веселенькой тропке я бегал в верхний лес по грибы и ягоды. Лет с пяти увлекся я ягодно-грибным промыслом. Весь день бродил по диковинному лесу, по лесным опушкам и полянам сначала со своей благороднейшей старенькой бабушкой, изумительной русской сказительницей Анисьей Архиповной Махотиной, а потом любил разгуливать, мечтая о чем-то, один...

В одно ярко-светлое, росистое и лучистое, благоухавшее животворными испарениями земли утро и случилась

эта невероятная, сказочная история, которую я, глядя на растерянно бегавших по холодному индустриальному асфальту беззащитных муравьишек, и поведал через сорок пять лет своему лучезарному, пытливо всматривавшемуся через открытое окно в мир внучонку Андрюше...

В далеком нашем детстве кибернетика еще не успела вытравить из людей сказочного воображения. Мое поколение успело пережить веру в разных оборотней, домовых, леших, чудовищ с хвостами и без них... Меня всякими небылицами, фантастическими и библейскими историями щедро подпитывала бабушка Анисья Архиповна. Вот была богатая на воображение натура!.. Лежа на теплой печке, она могла сутками, не повторяясь, рассказывать всяческие истории, сказки, прибаутки, напевать песни вроде этой:

Как у месяца — у молодца
Крутэе рога,
Как у нашего у Коленьки
Кудрява голова:
По плечам кудри лежат,
Как жар горят.
Ехали бояре,
И все дивовались:
Что это за парень,
Что эт за хорошей.
Эт не мать яво родила,
Не отец воспитывал...

Слушать было бабушку не заслушаться. Куда только бабушка своими рассказами меня не водила. Каких только диковинных птиц я с бабушкиной печки не видал! И сейчас передо мною проплывают видения с Жар-птицей и Финистом — ясным соколом...

Итак, было раннее утро... Только что прогнали пастухи по селу коровьи и овечьи стада. Из-за Долгой горы, не торопясь, выкатилось сияющее добротой, умытое лесным воздухом Красное Солнышко. Торопливо умывался росой, капельки которой в изобилии серебрились на травах и листьях деревьев, весь насекомый мир. Сладострастно пели неземные песни всяческие пташки. Все живые твари, проснувшись, славили наступление нового дня. Над

Заманихой все пело, жужжало, стрекотало... От птичьей и насекомой круговерти рябило в глазах.

Тем утром с небольшим кошельком из бересты, не спеша, я поднимался по тропинке в гору. Держал путь я через нагорные улицы Щелкан и Ветроудевку в березово-папоротниковую Чигириху, ближайший лес, по ягоды. Мое воображение уже рисовало сладкие, душистые полянки с лесной земляникой, как вдруг на узкой тропке я увидел эту ужасную, приведшую меня в леденящий трепет трагедию... Трагедию разыграл огромный жук-живодер по имени Кузька. Своим садизмом Кузька слыл по всей округе. Это был настоящий душегуб. Кузька-живодер всех, кроме себя, люто ненавидел. Свою злобу он многократно изливал даже на своих собратьев-жуков. Жестокий жук-живодер Кузька угрожал полным уничтожением и заманихинским вековечным тополям. У одного уважаемого крестьянина-бобыля Кузька превратил в тлен дом. А уж сколько живодер пожрал картошки!..

На этот раз жук-вампир пытался взять в плен... маленького муравья, спешившего на работу в соседний овраг. Муравьишка как мог сопротивлялся. Но силы были уж слишком неравные, и он уже предчувствовал свою гибель. Со всей мальчишечьей решительностью я вырвал муравья из злых рук Кузьки-убийцы.

Опомнившись, к моему изумлению и неопишуемому восторгу, муравей проговорил мне человеческим голосом: «Коля, ты спас меня от неминуемой гибели, и за такой благородный и героический поступок я тебе покажу то, что во всей деревне еще ни один мальчишка не видел, — волшебное травяно-насекомо-птичье царство Заманиху!»

Выждав, пока я вышел из оцепенения, муравей, сказав, что его во всем царстве все зовут Софроныч, повел меня к границе Заманихи. У входа в царство по сторонам стояли знающие себе цену два преогромных лопуха, а под лопухами величаво восседали на яблоневых пеньках жабы, разодетые в яркие зеленые камзолы. В лапах жабы держали трезубцы, напоминавшие деревянные сенокосные вилы.

Приблизившись к жабам-рыцарям, муравей что-то им твердо сказал, и они, отдав нам честь и три раза проквакав, пропустили нас через границу на территорию Заманихи.

До этого приключения со старой груши, что раскидисто, как-то враскоряку стояла на огороде посредине тыквенных грядок возле нашей старенькой пригнувшейся к земле липовой бани, я не раз любовался переливающимися цветами как небесная радуга покровом Заманихи, который каждую весну природа заново старательно и искусно ткала из крапивы, лопухов, колючек, бузины, крушины, одичавшей смородины, разных трав и цветов... И вот внутри этого царства муравей Софронич меня познакомил совсем с другим, скрытым от человеческих глаз, волшебным миром чудес.

То царство, с жизнью которого меня познакомил мой новый друг Софронич, было царство диковинное и мирное. Оно никогда не знало войн и всяческих других конфликтов, которые, к примеру, постоянно разыгрываются в царствах людей. Жители Заманихи жили в мире и добром согласии. Они даже не ссорились друг с другом, ссора, как они считали, унижает их достоинство. Им, жителям сказочной Заманихи, было не до ссор и мелких дрязг: они работали! Только в работе они видели свое счастье, как, впрочем, и абсолютное большинство тогдашних жителей моего родниково-василькового села Кадышева.

Правда, иногда, хоть и очень редко, но мирная жизнь этого волшебного царства все-таки нарушалась злодейскими набегами коршунов-стервятников. В это время, конечно, бывал переполох! Но тогда, когда Софронич водил меня по своей родной Заманихе, там было полное умиротворение. Счастливую жизнь ее обитателей никто из незваных гостей, пришельцев из других земель, не нарушал. Гуляя по приволью Заманихи, чего только я там не увидел! Перед моими глазами вдоль широченных покрытых цветистыми живыми коврами из трав улиц предстали — о, чудо из чудес! — ...величественные дворцы-муравейники, в которых непрерывно день и ночь кипела непостижимая для простых смертных людей жизнь. В каждом из дворцов жило по миллиону муравьев, и все вместе они, не суетясь, подчиняясь какому-то неведомому для нас закону жизни общественных систем, делали свое муравьиное дело, делали искусно, без переполохов, какие, например, периодически возникают в людском обществе.

А какие я увидел в Заманихе скверы! В них кроме душистых цветов было рассеяно множество птичьих гнезд — соловьиных, даже куриных и утиных, встречались гнезда и жаворонков. В некоторых гнездах лежали яйца, а в большинстве гнезд кувыркались, нежно попискивая в ожидании своих мам, маленькие пушистые комочки. То были будущие хозяева Заманихи!

По улицам селений волшебного царства взад и вперед, пересекая нам дорогу, порхали разноцветные бабочки. Иногда над нами летали даже ковры из бабочек. Везде, где бы мы ни появлялись с муравьем Софроньчем, вкусно пахло диким медом, мятой, душицей... Витали в теплом, парном воздухе и сотни других запахов, от которых у меня почему-то пела душа и радостно билось сердце. Эти запахи исходили от множества трав, цветов и кустарников.

Мой друг Софроньч степенно шел впереди, а я, оглядываясь по сторонам, шел за ним. Софроньча в Заманихе знали почти все ее обитатели: ежи, муравьи, ужи, птицы, божьи коровки, мыши, жабы... Чувствовалось, что муравей среди жителей Заманихи пользовался великим уважением. Особенно высок авторитет был у Софроньча в муравейниках. Там перед ним ломали шапки даже старые муравьи! А молодые услужливо освобождали для нас проход во встречавшихся залежах валежника.

Великое множество пчел увидел я в Заманихе! Пчелы, как и муравьи, в отличие, скажем, от попрыгуний-стрекоз и некоторых красавиц бабочек жизнь свою проводят в неистовом труде во благо живого мира, всей природы. Без их труда растительный мир всего этого волшебного, цветущего царства пожух бы, все в нем поблекло бы, посерело, а затем и начало отмирать.

Много я видел в Заманихе и ежей! Они тоже делом заняты были: кто из них дома-гнезда мастерил, кто строительный материал заготавливал, а кто и запасами занимался.

Вся Заманиха была в жизнедвижении. Чего только одни сороки по всей Заманихиной округе вытворяли! Короче говоря, население Заманихи творило для себя будущее!.. С помощью моего друга муравья я тогда узнал о многих сокровенных тайнах этого творения.

В тот день я подружился с Заманихой прочно и навсегда. Потом много-много раз я, затаив дыхание, посещал открытое для меня муравьем одно из царств природы — Заманиху. Оттуда я старался взглянуть в огромный планетный и космический мир, мир, сияющий ослепительно-манящими сполохами на восходе моей гражданской жизни. Там я потом почти каждый день ждал сказочную птицу Феникс, про которую мне длинными зимними вечерами на теплой русской печке, на овчине, при божественном свете лампы, что торжественно располагалась под образами святых на божнице, рассказывала старенькая бабушка Анисья Архиповна. Бабушка старательно тихо убеждала меня в том, что райская птица Феникс обязательно посетит нас и изгонит зло, а добро рассеет по всему многострадальному миру людей. Моя бабушка трепетно верила в Бога, в доброе назначение людей. Она любила всех людей. Для бабушки не существовало национальных различий. Она все повторяла: «Все, внучоночек мой, люди, все человеки...» Верила моя бабушка в духовное Воскрешение России. Всю свою долгую жизнь жила она с верой в Бога и с верой в победу Добра над злом. Я благодарен судьбе за то, что всю свою жизнь чувствую в своей душе яркое, чудесное сияние бабушкиной доброты...

Все то, о чем я рассказывал в тот апрельский день своему внуку Андрюше, он слушал необыкновенно внимательно, как-то по-взрослому. Видно было, как по его умному, ангельскому, еще не тронутому людскими тревогами личику непрерывно гуляла мысль. О чем думал в эти минуты моей вник? Казалось мне: маленький человечек напряженно старался соединить воедино прошлое, настоящее, будущее, то есть восстановить то, что взрослые люди разрушали на протяжении многих десятилетий.

*Весна и лето 1992 года,
город Казань — присурское село Кадышево*

ТАРАСОВА ГОРА

То ли сказка, то ли быль

Она живет сказочной своею жизнью в Кадышеве, Покровском тож, напротив Священной Суры, на чудных, живописных просторах былинного Русского Края. Сколько ей лет, в нашем селе никто никогда точно не знал, а сама она помалкивала до сих пор. Старые люди, пользуясь надежными слухами, мне сказывали, что это дородная гора родилась якобы таинственным образом лет тысячу тому назад, а может быть, и больше. Сейчас спорить на этот счет не с кем, да и бестолково: какие-либо уверенные доказательства отсутствуют, а молва, хотя в ней бывает и большая доля правды, есть все-таки молва.

В наших пропахших русским духом околосурских благословенных местах, где вольготно живет-поживает более четырехсот лет православное селение Кадышево, а в его объятиях – Тарасова гора и ее многочисленные сестры-горы, а возле них и по ним – лиственные и хвойные леса, поля, была глушь, пустошь, на земле которой следов человека не видно было, зато видимо-невидимо всюду встречались следы всяких диковинных зверей, птиц. Кругом все рычало, мычало, ревело, насвистывало, крикало, квакало, стрекотало, жужжало.

За Сурой, по ее левому берегу километра четыре вширь, тысячелетия росли дубовые рощи. В рощах располагалось полно озер, глубоких, пеленой тайн укрытых. Те озера синеглазые, кувшинками-лилиями разукрашенные, кишели рыбой всякой, в них водились многопудовые сомы и щуки. В этом великом лесо-озерно-луговом царстве до появления в нем людей владычествовали водяные и лешие, в царстве этом полно жило русалок, по красоте которым не было равных по всей Земле. В далекие времена в Посурье ходило,

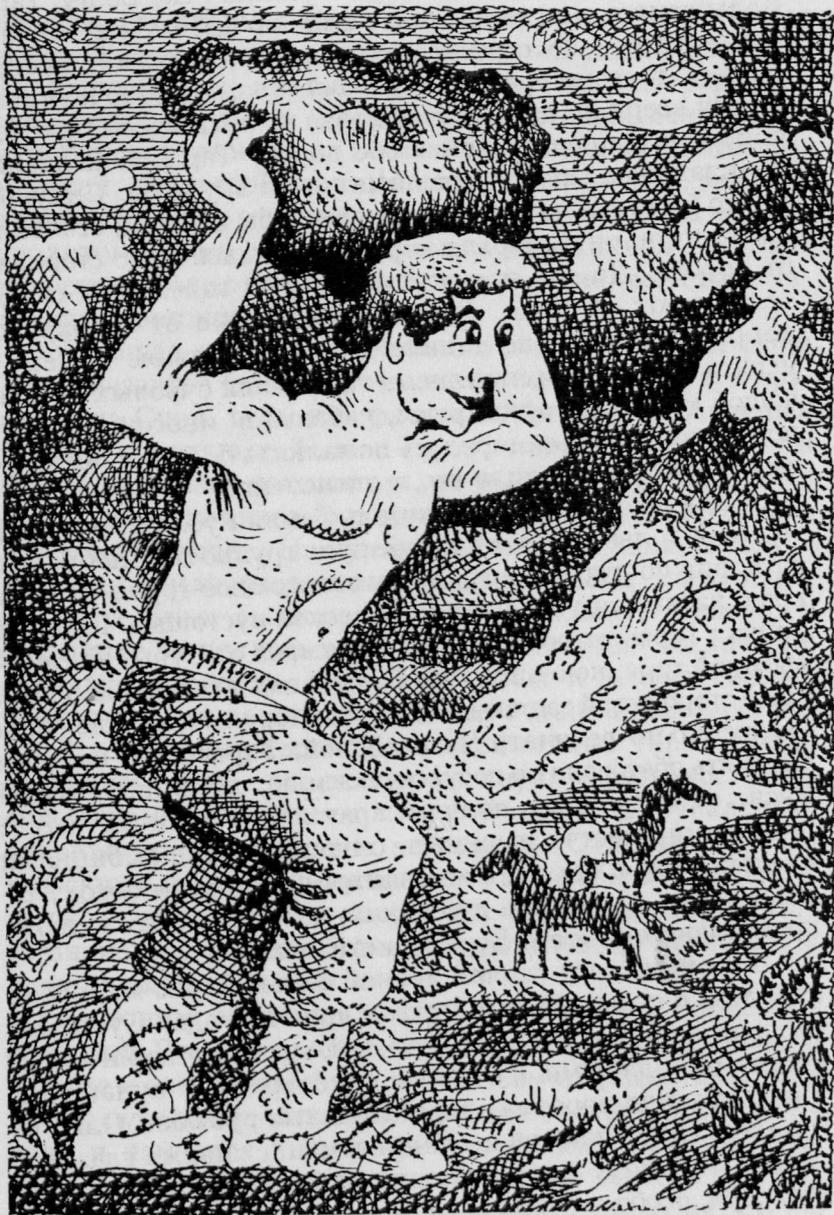
бегало, плавало, лазило множество других диковинных лесных и водных жителей, о коих в былинах и сказках сказывается.

Правый берег Суры, ставший добрым пристанищем людей русских, богатырей духа и тела, трудом праведным основавших Кадышево, в докадышевские времена сплошь покрывался лесами дремучими и кустарниками непролазными, полностью управляемыми лешими. Тогда вся флора и фауна этого присурского лешиего царства оставалась целиком нетронутой, девственной, первозданной со времен Сотворения жизни на Земле.

В околосурские непроходимые дебри-чащобы, обильными дарами природы богатые, люди боялись войти: уж больно много в них шаталось леших и их собратьев. Вот так, безлюдно, без человеческой истории, шли тут тысячелетия. Но однажды случилось то, что обязательно должно было случиться: сюда, на правый берег Суры, под белорудые горы, заросшие вишней и клубникой, к холодным ключам, бьющим из-под гор, продрался сквозь вековечные заросли Человек. Он был другом-соратником Ильи Муромца. Его величали Тарасом Кадышанином. Тарас Кадышанин жизнь свою посвятил Святой Руси, своему любезному Отечеству. Он хранил покой русского народа, не допускал в пределы Святой Руси разных мастей супостатов. Частенько бился с супостатом Тарас Кадышанин плечом к плечу с Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем, Алешей Поповичем. Ох как боялись их недруги Руси!

Прослышал Тарас дурную весть о том, что давно зарятся на присурские многообильные земли темные силы – уж очень им, супостатам, хотелось овладеть этой первозданной территорией с несметными природными богатствами, и решил, мобилизовав всю свою силищу, навсегда лишить бесовщину аппетита на эти благодатные земли.

Получив благословение от Всевышнего и доброе напутствие своих друзей-славян, Тарас Кадышанин, помолившись Богу, взял свой грозный меч, надел непробиваемую врагами кольчугу, сел на своего выдавшего виды надежного боевого коня и отправился в трудный путь в сторону Посурья в неведомые для него земли.

БР-037310

17

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЧЕВАПСКАЈ РЕПУБЛИКИ

Доехав на удалом коне до устья Священной Реки Суры, раздольно впадающей в великую Русскую Реку Волгу, Тарас Кадышанин стал терпеливо, шаг за шагом, настойчиво продвигаться по сплошь заросшему деревьями, кустарниками, травами правому сурскому то крутому, то пологому берегу вверх по реке, преодолевая на пути массу тяжелых природных препятствий. Себе дорогу Тарас Кадышанин прокладывал сквозь страшные дебри вручную. Силушки у него было столько, что огромные дубы и ветлы, стоявшие на его пути, он выдираал с корнем и укладывал по сторонам от дороги. До сих пор огромные кучи валежника свидетельствуют об этом. Лешиево население от страха все попряталось, оно не чинило Тарасу-Богатырю помех. С испуга замерли, притаились в глухомани суровых лесных чащоб медведи, волки, рыси, кабаны, в многочисленных поселениях зверье старалось помалкивать, действия могучего Тараса приводили его в оцепенение.

Тарас Кадышанин, хранитель Земли Русской, наконец-то, преодолев все нечеловеческие трудности, добрался, сотворив по пути дорогу, до заветного лесо-горно-речного края, названного вскоре Кадышевской пустошью. Главный привал Тарас устроил верстах в четырех от Суры, на самой высокой горе, кою он тут же облюбовал для первой в этом краю сторожевой заставы. На горе, которую кадышане стали уважительно величать Часовенской, Тарас стал на часы охранять обетованную посурскую землю, любимицу Святой Руси, от несметных полчищ врагов лютых и алчных с повадками хлестче звериных, с ненасытными амбициями владеть всем и всюду, с неохватным бесовским богохульством в их скверных душонках, с ненавистью к люду православному, к его Вере Христианской.

В летнюю пору теплой лунной ночью Тарас частенько купался со своим верным другом конем в водах Суры. На сурских живописных островах, окруженных корягами, с bestиями-водяными на них в одно время с купаниями Тараса водили хоровод очаровательные русалки. Одна из русалок, с русой косой до самой земли, с синими глазами, сияние которых проникало в глубины души русского богатыря, особо ласково и притягательно-страстно поглядывала на Тараса, и он в свою очередь замороженный неземной

красотой русалки, не в силах был хоть на миг отвести от нее глаз. Уловив момент, русалка подплыла к Тарасу, обожгла его своим любовным теплом и поспешно, чтобы водяной не подслушал, промолвила: «Я полюбила тебя, Тарасушка, вижу, что и я тебе любя, мы сможем соединить свои сердца и души, стать мужем и женой, если ты не испугаешься темных сил и вызволишь меня из их липкой, мерзкой, бесовской паутины следующей ночью, когда в ливневый дождь, сопровождаемый невиданной силы ветром, грохотом грома и нескончаемым сверканием молний, начнется ужасающей силы столпотворение, всем напоминающее светопреставление».

Услышав тревожные слова любимой, храбрый Воин Тарас назавтра ближе к ночи сел на боевого коня и отправился на Суру, туда, где русалочий остров, охраняемый воинством водяных. Только Тарас остановился на сурском берегу, началась вакханалия, из ничего вдруг зародился бесовской силы вихрь, разом захвативший в свое кружение все вокруг сущее. Наступила кромешная тьма, всюду с небес до земли разразились раскаты грома, засверкали ослепительные молнии, водопадом хлынул ливень, в бешенстве затряслись воды Суры, мгновенно поглощая в себя все острова, перекаты, косы и хлещца своими неукротимыми разбушевавшимися потоками по берегам.

В кошмаре природно-бесовской стихии Тарас увидел сияющую дивно, плотно окруженную мерзопакостными существами-сатанятами писаной красоты русалочку, одарившую его любовью негасимой. Схватив меч, ангельскими силами превращенный в непобедимый, Тарас на своем ретивом коне опрометью кинулся в самую гущу сатанинского шабаша и начал стремительно повергать в прах омерзительные силы зла.

Растоптав гульбище сатаны и приведя в спокойное состояние Посурскую Природу, Тарас Кадышанин взлетел на коне и оказался вмиг на русалочьем острове: схватив за талию русалочку, он нежно посадил ее рядом с собою на коня и помчался в сторону Часовенской горы, где для влюбленных ангельские силы сотворили чертоги чудные. Русалочка, сбросив с себя колдовское обличье, натянутое на нее главным водяным, с помощью сурской колдуньи

Коряги превратилась вновь в распрекраснейшую царевну Аксинью.

Тарас и Аксинья стали жить-поживать, любовные страсти друг к другу прибавлять, детей рожать, купаться в обоюдной ласке, наслаждаться райскими красотами окружавшего их растительно-животного мира, мира по-сурской Природы.

В летнюю пору утром и вечером, лунно-звездной ночью тоже влюбленные купались в живительных водах ласковой Суры. Сура настолько им пригляделась, что Тарас и Аксинья решили перебраться жить насовсем поближе к ней, прямо на ее ветляно-тополиный очаровательный берег правый, возле белогрудых холмов, поодаль от Часовенской горы и лесов, ее окаймляющих.

Одно не устраивало Тараса Кадышанина: отсутствие в этом присурском месте такой горы, как Часовенская, на которой он долгое время на часах стоял и с которой ему, Часовому Земли Русской, окрест видно было все. И решил тогда Богатырь Тарас метрах в четырехстах от Суры воздвигнуть Гору мощи неохватной с обличьем живописным.

И начались тяжелые Тарасовы труды по сотворению Горы-Поста, кордона и бастиона. Тысячу дней и ночей без отдыха, без праздных минут Тарас Кадышанин на своих титанических плечах таскал землю, камни, глину, песок, мел для воздвижения Горы – одного из форпостов Русской Державы на Земле Солнечного Посурья. И вот закончились работы по сооружению этого Дива – перед Сурой и околосурьем величаво и дородно, приветливо предстала Рукотворная Гора, взявшая на себя обет все будущие века неколебимо стоять на страже Славянского Доброго Духа в обетованном Русском Краю Посурском.

Гора эта и ныне продолжает пребывать в Добром Здравии, а зовется она теперь Горой Тарасовой.

Тарас Кадышанин заимел большую дружную семью, только сыновей одних у них с Аксиньей было пятнадцать, пятнадцать русоголовых детей: красавцев, как мать, богатырей, как отец.

Слух о ратных подвигах и добрых трудовых делах Тараса Кадышанина разнесся по всей Руси великой, по

всему неохватному бескрайнему Полю Славянскому. Вскоре под надежный покров богатыря Тараса по его вдольсурской дороге со стороны устья Суры от самой Волги стал стекаться народ славянский, веры христианской, православной. Они с охотой обустроивались в безлюдном месте, перенаселенном зверьем всяким и птицами разными, заросшем лесами и травами, возле Тарасовой горы, строили добротные избы, обзаводились домашними животными, коровами и лошадьми в первую очередь, возделывали на целинных землях огороды и поля, рыбачили в богатых рыбой озерах и Суре, занимались пчеловодством, бортничеством, драли в липовых рощах лыки на мочало, портняжничали, кожевничали, ткали полотно, сено на обильных сенокосах заготавливали, производили речные суда, сплавляли плотами вниз по Суре лес, рубили избы, бани, конюшники, срубы колодцев, амбары, пилили доски, крыли тесом постройки, разводили сады, рожали детей и в люди их выводили.

Маленькое присурское поселение с Тарасовой горой и другими караульными горами в нем постепенно переросло в крупное село с двумя православными храмами, тысячами крестьян и сотнями ремесленников. Народ назвал его Кадышевом в честь Великого Стража Посурья – Русского богатыря Тараса Кадышанина и его знатных сыновей, величавшихся Кадышанами.

Дача, лето 2004 года

СУРСКАЯ РУСАЛОЧКА

То ли сказка, то ли быль

В раннем детстве, годов с пяти, я все лето проводил на Суре. Сура мне в ласке никогда не отказывала, всякими тайнами со мной делилась, о своем Водном Царстве были и небылицы рассказывала, его невиданные красоты каждый раз показывала, по царственным садам водила, с жителями Водного Царства знакомила, разными лакомствами угощала, от опасностей оберегала, мое любопытство байками убажала.

Теплым душистым вечером в полнолуние во время лягушачьего концерта под трели соловьиные и шелест листьев ветлы, под которой я сидел на огромном пеньке с окладистой травяной бородой и откуда наслаждался величественной поступью кадышевской лунно-звездной музыкальной ночи по околосоурским живописным сказочным озерно-луговым просторам, моя любимица, добрейшая Сура, решила познакомить меня с одной из самых очаровательнейших своих подружек – русалочкой.

Недалеко от того волшебного места, с которого я, завороченный сиянием лунного света и симфонической музыкой лягушачьего ансамбля, любовался Сурой и ее милыми причудами, находился сурский остров, на котором в коряжьем селении, окруженном причудливой формы ветляно-таловом забором, жили беззаботно и весело сурские русалки, хранительницы былей и небылиц и песенности своей сказочной русалочьей реки и ее сказительницы. Днем русалки уходили на покой в свои чертоги, а лунно-звездными ночами под музыку Посурской Природы забавлялись, распевая песни дивные и вода хороводы чудные, на острове Суры, то и дело ныряя в ее живительные воды, плескаясь ею так, что даже ветлы громадные брызгами

с ног до головы, с вершины до корней, окатывались. Такое веселье устраивали русалочки в водах теплой Суры!

Нежданно-негаданно русалочка, с коей Сура уж больно желала меня познакомить, подпорхнула ко мне, нежно взяла меня за руку и, восторженно что-то напевая, повела, то и дело пританцовывая, в свое сказочное Водное Царство, для несказочных людей недоступное. Звали русалочку Кувшинкой, она являлась родной дочерью озера Промзюка, тысяча первой его дочерью.

Среди исконных жителей Водного Царства кроме русалок-кувшинок были: лягушки разного происхождения, рыбы всякие – сомы, щуки, язи, лещи, караси. Встречалось много коряг, полно корней деревьев и кустарников, много ужей, ондатр, енотов, нутрий, бобров, неисчислимое множество растений – осоки, тростника, их были целые плантации.

На окраинах Царства, по земле которого водила меня очаровательная русалочка-сурчаночка Кувшинка, нам вежливо, приветствуя, кланялись благородные плодობильные кусты смородины, ежевики, шиповника, боярышника, черемухи. Всюду виднелись таловые поселения-палисадники. Мне и русалочке старались оказывать почтение добротные, роскошно одетые, знающие себе цену ветлы, тополя, осокори, березы, дубы, клены, осины, липы, сосны, плакучие ивы, окаймлявшие Водное Царство и надежно охранявшие от недружеских ветров, бурь, знойных обжигающих суховеев его просторы.

Особенно гостеприимно, то и дело радостно восклицая, обворожительной улыбкой одаривая, встречали нас с Кувшинкой ее сестры, озерные модели, модницы, певуни и плясуньи кувшинки, весело забавлявшиеся с озерными ловеласами лягушками, кои на огромных зеленых лопухах и возле них, возбуждись играми, выделявали всевозможные немислимые пируэты, выквакивая при этом необыкновенной красоты арии. Мне, пятилетнему парнишке, на все эти выкрутасы было забавно смотреть, еще более забавно было слушать вычурные мелодии водно-подводных музыкантов и певцов, особенно лягушек.

Русалку Кувшинку, что меня особенно восхищало, в Водном Царстве любили все, все нескончаемо восторгались

ее необыкновенно лучезарной красотой, ее лебединой поступью, ее чудным голосом, притягивающим к себе все вокруг живое. От русалочкиного пения всё жители Водного Царства приходили в неопишуемый восторг-исступление, а лягушки-певуньи неизменно приглашали очаровательную русалочку на концерты своего знаменитого на всю Поволжско-Посурскую землю Ансамбля в качестве ведущей солистки, собиравшей в луго-озерной бесчисленной Аудитории неслыханное количество слушателей. На концерты с участием Кувшинки являлись слушатели даже из многих соседних царств и королевств, княжеств и воеводств водных, земных и небесных. Увидев нас, гуляющих по живописным просторам Водного Царства, лягушки наперебой почтительно и обходительно стали уговаривать Кувшиночку поконцертировать с ними по княжествам-озерам и попеть, потанцевать, поиграть на каком-либо инструменте луго-озерного народа. Моя подружка русалочка, для того чтобы прежде всего меня позабавить, доставить мне, деревенскому мальчишке, светское удовольствие, кокетливо согласилась поучаствовать в лягушачьих концертных играх.

Музыканты-лягушки, управляемые волшебной палочкой главного дирижера — внушительных размеров и благородной осанки лягушки, одетой в импозантный костюм небесного цвета, грянули величественную луго-озерно-лесную песнь, повествующую о многотысячелетней истории народа, в том числе, конечно, и лягушачьего, Водного Сурского Царства, на протяжении которой здесь не было, как у людей, войн, революций, глобальных, унижительных для обществ перестроек-переделок, где не было никакой вражды между жителями озерно-луго-лесо-речного Царства, где не было страшных голодных годов, уносящих миллионы жизней, где не было все живое истребляющих эпидемий, где денно и ночью звучит музыка добродушной Природы, неизменно приводящая в трепет восторга все население Царства воды, леса, травы, земли.

В радостную мелодию этой оптимистической песни плавно влился блаженно-счастливый, нежно-плавающий между лунно-звездным небом и покрытой туманной фатой землей бархатно-шелковый голос моей сказочной подружки

Кувшиночки. Русалочка пела о всеохватывающей земной и неземной негасимой, жизнеутверждающей, безбрежной Любви, начале всех начал во Вселенной.

Придя в восторг от очаровательного пения русалочки Кувшиночки, затрепетали в сладостном экстазе листья ветел, талов, тополей, берез, вязов, кустарников, лирически заплескались звуками своих мелодий воды луговых озер и Суры, пьяняще запахла живительным духом цветки шиповника, луговые травы, а разнаряженные в разноцветные платья лягушки, пребывающие в нежных, сладостных объятиях с лилиями-кувшинками, затаив дыхание, даже перестали музицировать, дав полную волю а капелльному пению всеми любимой русалочки.

Особый восторг, как мне показалось, пение Кувшинки вызвало у Водяного, то ли царя, то ли воеводы этого сказочного подлунного мира, погруженного в таинства бытия.

Водяной на меня, мальчишку, впервые посетившего волшебный мир грез, произвел неизгладимое до сих пор впечатление. Древний, в возрасте нескольких тысяч лет, Старик поразил мое воображение своим необычайно фантастическим видом-обликом. Его вид – воплощение неведомых обыкновенному человеку таинств, запредельных для шаблонного человеческого разума.

Царь-Водяной торжественно восседал на зелено-красном с причудливыми рисунками-орнаментами, не имеющими ни начала ни конца, ковре на боровой запромуточной шишке-холме, под которой бесконечно тянулись непролазные дебри экзотической черни, уютного пристанища семейств водяных, домовых, леших, века дружно уживавшихся с семействами лосей, кабанов, медведей, рысей, барсуков, волков, лис, зайцев, ласок, ужей, змей, ежей, бобров, нутрий, выхухолей, цаплей, гусей, уток, филинов, сорок, соловьев, дергачей.

Бородища Водяного вычурно переплеталась с луго-озерными травами и кустарниками. Она мягко стелилась по всему пространству Царства Водяного, защищая своею волшебной силой всю живую тварь от посягательств на нее, беззащитную, различных незваных недоброжелателей. Под покровом Дедушкиной бороды населению Сказочного Царства жилось спокойно, безбедно, сытно, уютно, тепло,

счастливо жилось, что меня, слышавшего ежедневно непрерывный стон страдающего от проклятых войн народа, очень радовало. Своими могучими и добрыми ручищами Водяной, обхватив свое Царство, не впускал в него силы зла. В пределах Водного Царства зло никогда не бывало, население даже не слышало о нем. Сторонние могли попасть в пределы Царства лишь с благими намерениями, с благородными целями, с любовью в своем сердце к другим живым существам, с любовью ко всей Природе.

К моему детскому счастью, по ходатайству его любимицы русалочки Дедушка Водяной, учтиво, доброжелательно, приветливо улыбаясь, позволил мне вдвоем с Кувшинкой пройтись по всем живописным оазисам, садам, палисадникам, огородам, площадям-полям, проспектам-заводам, паркам, по озерам-поселениям, оранжереям и посетить роскошные, разукрашенные цветками дивными дворцы вельмож Лосей, Медведей, Лис, Волков, Рысей, Сомов, Щук и чудные хижины простых жителей – Ежей, Ужей, Карасей, Окуней, Пескарей, Коряг, Пней, Корней, а также норы-избы Стрижей, Пчел...

Меня, кадышевского деревенского мальчишку, несказанно удивило полное отсутствие в этом Вечном Природном Царстве, одном из любимых Творений Космоса, начальников, чиновников, партийных уполномоченных, партторгов, инструкторов, председателей, секретарей, бригадиров, завхозов, коих в нашем древнем селе тогда было больше, чем людей Труда, Людей-созидателей.

Водное Царство, Царство грез, в теплых объятиях которого мне довелось побывать, за многие тысячи лет не знало диктатуры «избранных», в нем напрочь отсутствовала такая смертельная для каждой жизненной системы зараза, как властолюбие. Жителей сказочного Водного Царства никогда не посещали пороки, убивающие суть Бытия: алчность, эгоизм, жажда владычества одних над другими, ненависть, вражда, высокомерие, ложь, экстремизм. В Царстве моих детских грез никто не ведал о деньгах – главном орудии сатаны, ловко им используемом в обществе людей для их разложения и падения в болото пороков.

Я хоть и мальчишка, но сумел заметить, что Старик Водяной не вмешивается в отлаженный на протяжении

тысячелетий ритм жизнедеятельности своего Царства, в этом Царстве жизнь сама собою следовала строгим Канонам Бытия. Меня, ребенка, тогда, в военные ужасные, голодные и холодные годы живущего вместе со взрослыми в искусственно созданной рабской колхозной системе, приводимой в принудительное некоторое движение лишь силой хлыста, угроз, окрика, унижения, жестокой расправы за малейшую провинность перед «начальниками», потряс, вызвав в моей душе неукротимое бурное волнение, **Магнетизм** доброго, даже ласково-теплого взгляда Царя-Водяного, проникающего во все содержание и в глубь Бытия взгляда, не беспокоящего ни одну из Частей Бытия. Из магнетических глаз Допотопного Старца, любимца Вечности, олицетворявшего собою всю Суть Эволюции на Земле, переполненных сокровенными тайнами Лунного Сияния, стелилось окрест теплым туманом Спокойствие, Сопряженное с Умиротворением, для всей окружающей Природы с миллионами в ней уникальных, неповторимых живых особей.

А русалочка Кувшиночка, подруженька моя, под аккомпанемент посурского лягушачьего Ансамбля с неохватной импровизированной озерно-луговой сцены все распевала песни дивные. Она, озорно плескаясь в Живительном Духе Бытия, пела под Лунно-Звездным Куполом Неба, ниспосылающего в Царство воды, земли, леса, лугов, гор, долов, оврагов Сияние дивное, радостью непорочного Бытия все живое окутывающее.

Моя русалочка, сказочное дитя Природы, ее Поэтической Сути, пела, щедро разливая чарующие души людей мелодии окрест. Обворожительным пением русалочка посылала в Вечное свои восторги его Бессмертию. Ее пение звучало Светлым Гимном Жизни на Земле. Русалочка пела о неубиенности Земной Жизни в веках, тысячелетиях. Очаровательная русалочкина мелодия, сотворяясь из мириад звуков-голосов, шепотов, трелей Посурской Природы, сливалась с Туманом в единое Поэтическое Море. Мелодия Кувшинки, поднявшись над всем Пространством Царства, к утру величаво уходила в Небеса, туда, откуда она каждую ночь к нам на Суру является.

Рано утром, еще до конца не освободившись от ночных грез, я со своей Божественной Бабушкой Анисьей Архиповной отправился в Чигириху за ягодами. В ласковых лучах восходящего над присурским Кадышевом Солнышка я продолжал видеть Лунное Сияние, а в нем – очаровательную улыбку поющей русалочки, моей милой Путеводительницы по Водному Сурскому Царству, Царству моих мальчишеских грез. Направляясь с зобнями на плечах в грибново-ягодно-папоротниковую Чигириху, мы, поднявшись от своей Усадьбы из Махотина заулка по тропе в гору, шли по кадышевским улицам Горе, Щелкану, Ветродуевке, и я, посетивший ночью Царство грез, видел всюду голодных, изможденных, унылых от безысходности крестьян-трудяг, заложников ужасного побоища – войны. Встречавшиеся нам на улицах люди были одеты в непонятного вида и цвета тряпье, большинство из них босиком, их бледные испытанные лица выдавали нечеловеческие страдания. Нам встречались только изношенные не по годам женщины, вовсе немощные, еле волочившие свои ноги старики и дети-рахитики, превратившиеся до неузнаваемости в подобие мумий. Ни один мужик нам на пути не встретился. Бабушка Анисья, торопливо крестясь, на это сказала: «Мужичков, сыночек, всех поглотила война, будь она проклята».

Прошедшей ночью под Лунно-Звездным Посурским Небом передо мною, мечтавшим о Сказочном Будущем, во всей своей Неохватной Доброте и Красоте предстал Мир Грез, а днем освобождающемуся от грез моему детскому сознанию вновь явился Реальный Мир, в коем живут, влача жалкое существование, униженные, оскорбленные и отверженные силами зла, сатанинскими силами простые, добрые, милосердные, трудолюбивые Русские Люди.

Встревоженный увиденным на улицах родного села, я заторопил свою Божественную Бабушку из Реального Мира, мира нищеты, унижений и слез, облившего мою детскую душу горечью сострадания к беспомощным людям, в Промежуточный Мир, в Сказочную Чигириху, туда, куда злодейство еще не проникло. И мы пошли...

Дача, лето 2004 года

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАМАНИХА, или Возвращение к родникам кадышевского Посурья	3
ТАРАСОВА ГОРА	15
СУРСКАЯ РУСАЛОЧКА	22

Николай Васильевич Нарышкин (Махотин)

СКАЗКИ

Технический редактор *Н. Ф. Гимадеева*

Корректор *Л. И. Сатрутдинова*

Художник *С. А. Андрианов*

Подписано в печать 20.12.2004. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «Кудряшов». Печ. л. 2,6. Тираж 1000 экз.

Издательство «Дом печати»
420111, Казань, ул. Баумана, 19.

15 =

